

Архимандрит Евфимий (Вендт) и философия имени в Париже

В.П. Троицкий

(Москва, Библиотека «Дом А.Ф. Лосева»)

Особенно не приходится сомневаться, что великие богатства духовного, культурного и научного наследия Русского Зарубежья еще долго будут открываться и разворачиваться перед нами. В последние (постперестроечные) десятилетия мы воочию наблюдали, как снова и снова приходили и вновь возвращаются на Родину новые имена и новые идеи. Мы проиллюстрируем подобную мысль на примере архимандрита Евфимия (Вендта) (1894–1973).

Его имя отчасти вернулось к нам – вернее, лишь начало возвращаться, только в 1994 году, когда в известном религиозно-философском журнале «Начала» (выпуск «Абсолютный миф Алексея Лосева»), выходящем в Москве, появилась первая статья архимандрита Евфимия. То была републикация едва ли не единственной печатной работы мыслителя, которая вышла, причем незадолго до его кончины, в парижском «Вестнике Русского Христианского Движения» (1971, № 101–102) среди материалов, специально посвященных памяти о. Сергия Булгакова. Републикацию вместе с небольшой биографической справкой подготовила А.А. Тахо-Годи.

В этой сравнительно небольшой, но при этом весьма идейно-плотной и густо-метафорично написанной работе о. Евфимий бросал общий взгляд на софиологическое наследие русской мысли (взгляд, конечно же, оценочно-восторженный, поскольку он – изнутри традиции) и упоминал три версии «философии имени» в составе этого наследия, от П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова и А.Ф. Лосева. В целом эти трое, подытоживал автор, «перед самой бурей, в предустановление победы над ней, дали Научение Истины», они – «Учители Церкви, представители русской Святоотечности»¹.

Через несколько лет в своей блестящей книге «Лосев» Аза Алибековна, ученица и наследница А.Ф. Лосева немного рассказала о том, как и когда имя о. Евфимия приблизилось и вошло, собственно, в лосевский круг:

«... Шли годы, а ранние книги Лосева помнили, над ними размышляли не только философы, но и богословы. Ученый-богослов архимандрит Евфимий (Григорий Вендт), ровесник русского философа, ушедший, будучи офицером, с Добровольческой армией на Балканы, а затем – священник в Париже и слушатель знаменитого Богословского института им.

¹ *Архимандрит Евфимий. Relatio Religiae // Начала. № 1, 1994. С. 54.*

преподобного Сергия, специально занимался “Философией имени”² и написал на эту тему большой, очень сложный труд. О нем сообщила нам в 1969 году Жаклин Грюнвальд, с которой мы среди наших ближайших друзей счастливо встречали новый, 1970 год. В 1989-м Жаклин, ставшая матушкой Анной в православном монастыре во Франции в Бюсси (*Bussy-en-Othes*), прислала мне ксерокопию этого сочинения»³.

Отметим, что А.Ф. Лосев, получается, немного знал или, точнее, слышал о деятельности о. Евфимия, но с его трудами вокруг «философии имени» еще напрямую познакомиться не мог.

Недавно, разбирая архив и библиотеку А.Ф. Лосева, мне довелось подержать в руках этот действительно «большой, очень сложный» трактат. Для начала, уже само громкое или даже грозное название его много стоило: «Начертание и наречение решений Отрешенного. Графика и Грамматика Догмата. В двух книгах», Муазне (Франция), 1971, издание автора. Здесь 379 страниц большого формата, плюс громадная последовательность рисунков, весьма изощренных и тщательно исполненных твердой рукой (автор именуется их «Атласами», в торжественно-старинном духе). Такое впечатление, что тексты о. Евфимия – это, в самом деле, только подписи к «Атласам», причем далеко не всегда – развернутые. Действительно, «начертания», действительно, «графика». Вернее, нужно обозначать с необходимой заглавной буквы – *Графика*. А какими терминами и понятиями уснащены просторы этого текста (тоже с нажимом на прописные буквы, тоже смысловая графика, даже, можно сказать, гравюра!): «Священная Архитектоника», «Видение Праотца Иакова», «Видение Декарта», «Перворисунок Неба», «Бытие – Действие», «София Принадлежности», «Троичная Первооснова», «Таксис Триады», «Лицо во Встрече», «Универс Материи», «Универс Языка», «Схолия Конца», «Жертва Второго Неба»... Поверх обширного текста рассыпаны всяческие диковинные неологизмы, вроде, к примеру, таких: «умыслообраз» (модификация символа), «Триема Триех» (еще одно имя для Св. Троицы), «матемология» (синтез философии и математики), «вечнующее» (качественная производная от «вечность»), «средец» (средоточие + средство) ... Или вот еще, – неожиданно сразу и языковую игру, и глоссолалию, и комбинаторику смыслов встречаем, – в одном из заголовков трактата:

---

² В библиотеке Свято-Сергиевского Православного богословского института (Paris, rue de Crimée) хранится книга А.Ф. Лосева «Философия имени» (1927), густо испещренная пометками и рисунками о. Евфимия (устное сообщение А.П. Козырева).

³ *Тахо-Годи Аза*. Лосев. М., 2007. С. 108 (в изд. 1997 года – с. 105).

«Норов, ровень и внор счастья встречи»... Да, перед нами, действительно, и *Язык* – существенно новый.

Аза Алибековна весьма сдержанно и даже отрицательно отнеслась к моему предложению, мол, хорошо бы «этим ребусом заняться». И пришлось отложить вопрос изучения Евфимиева «Начертания» в долгий ящик. Многие такие вопросы остались неразрешенными и даже, получается, толком не поставленными.

Ситуация с оценкой наследия загадочного русского философа и богослова существенно изменилась недавно, когда у архимандрита Евфимия (Вендта) появился очень заинтересованный и верный читатель и почитатель, живущий во Франции: *Михаил Богатырев*. Этот исследователь, рассказывая об о. Евфимии и его трудах, уже дважды выступал на научных семинарах у нас в Библиотеке «Дом А.Ф. Лосева» (08 октября 2015 г., 19 января 2017 г.), а также подготовил недавно две книги о нем⁴. К сожалению, изданы работы чрезвычайно малым тиражом.

Теперь мы имеем возможность, прежде всего, с опорой на наблюдения М. Богатырева, сформулировать некоторые особенности философии и богословия архимандрита Евфимия (Вендта) и, попутно, дать общую характеристику этой личности. Данные краткие формулировки носят, конечно, только предварительный или вводный характер.

При жизни о. Евфимий получал сочувственные (но, вместе с тем, и критические тоже) отклики только от одного современника – игумена Геннадия Эйкаловича (1914–2008), посвятившего ему специальную статью (1973). В свою очередь, М. Богатырев солидарен с оценкой Эйкаловича относительно главного труда мыслителя, его «Начертания»:

«Труд о. Евфимия представляет собой некий богословско-философско-литературный уникум по своей форме, да и по содержанию, не имеющий себе прецедента... Как некую весьма отдаленную аналогию можно было бы привести ветхозаветную апокалиптическую письменность, до сих пор своей символично-числовой и визионерски-фантастической формой представляющую неразгаданную тайну. Нам лично [о. Евфимий] представляется новым типом блаженного, Христа ради юродивого»⁵.

---

⁴ *Богатырев Михаил*. CONSONANTIA PENITENTIA: симфония совести. [б.м.], 2016 (здесь глава «Архимандрит Евфимий (Вендт), его жизнь и творения»); *Богатырев Михаил*. Архимандрит Евфимий и Казанский храм. [Б.м.], 2017.

⁵ *Эйкалович Г.* Развернутый иероглиф. Памяти архимандрита Евфимия Вендта // Вестник РСХД, № 107 (1), 1973. С. 91.

Автор «Начертания» выступает прямым учеником о. Сергия Булгакова, особенно в его софиологическом учении, и А.Ф. Лосева, буквально следуя многочисленным дистинкциям из «Философии имени» последнего и, в особенности сочувственно, принимая «энергийный» подход Лосева. Кроме того, констатирует М. Богатырев, о. Евфимий вдохновлялся учением о категориях И. Канта и геометрическим (вот откуда «Атласы») подходом к «Миру в целом» у Ю. Гёзнэ-Вронского (1776–1853).

Особенна софиология «Начертания», она в некотором явном смысле гипертрофирована. «У архимандрита Евфимия (в отличие от Вл. Соловьева или, скажем, Сергия Булгакова) София предстает не персонифицировано, а в виде всеобщего плана бытия, пребывающего в состоянии непрерывного само-становления и реализации. “Работа наша – утверждает о. Евфимий – есть работа Конструкции и о Конструкции. В ней на помощь нам приходили три конструктора: Кант, Лосев и Вронский”»⁶.

Избранный в «Начертании» основной язык – язык графики (сами чертежи – «в них моя претензия, без претензии», признается автор) дополняется еще одним авангардистским, по сути своей, приемом – попыткой вести категориальную игру на уровне фонем, ввести «побуквенные категории». Здесь наблюдается своеобразная сверх-семиотизация слова, о. Евфимий идет «много дальше» Булгакова и Лосева, двигаясь в сторону «фоносемантики» в стиле Велимира Хлебникова. Напомним, что фонемную составляющую слова выставлял на первый план о. Павел Флоренский, автор третьей версии «философии имени».

Наконец, кроме рассмотренного выше трактата о «начертании и наречении» (установлено, что о. Евфимий распространил его в нескольких вручную изготовленных экземпляров), создана и дошла до наших дней еще одна Конструкция о. Евфимия. Конструкция – теперь уже буквально: архимандрит Евфимий спроектировал и собственноручно построил храм во имя иконы Казанской Божьей Матери (в своем приходе в местечке Муазне-ле-Гран, под Парижем), особой архитектуры, воспроизводящий его философию и богословие, можно сказать, сугубо пространственно, стереометрически.

Ручной выделки «Начертание» и Храм – наследие о. Евфимия.

---

⁶ Богатырев Михаил. Архимандрит Евфимий и Казанский храм. [Б.м.], 2017. С. 259.